

№ 65^{1/11} Н. А Н Д Р Е Е В

ПЕТЬКА НА ДАЧЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Школьная библиотека

Л. Н. АНДРЕЕВ

ПЕТЬКА НА ДАЧЕ

РАССКАЗЫ

Москва • «Детская литература» • 1974

Леонид Николаевич Андреев (1871—1919) — известный русский писатель, автор повестей, рассказов, пьес. В том мире социального неравенства, который описывал Л. Н. Андреев, всё живое было обречено на страдания и гибель.

«...всё живое имеет одну душу, всё живое страдает одними страданиями», — говорит писатель.

Каждое его произведение наполнено сочувствием и любовью к обойдённому и униженному живому существу. Л. Н. Андреев заражает читателя своим чувством обиды и боли за поруганного человека.

Кто прочтёт рассказы «Кусака» и «Петька на даче», помещённые в этой книге, навсегда их запомнит.

Рисунки Н. Смирновой

А $\frac{70802-323}{M101(03)74}$ 126—74

© Иллюстрации.
Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

КУСАКА

I

Она никому не принадлежала; у неё не было собственного имени, и никто не мог бы сказать, где находилась она во всю долгую морозную зиму и чем кормилась. От тёплых изб её отгоняли дворовые собаки, такие же голодные, как и она, но гордые и сильные своею принадлежностью к дому; когда, гонимая голодом, она показывалась на улице, ребята бросали в неё камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали. Не помня себя от страха, перемётываясь со стороны на сторону, натываясь на загожи и людей, она мчалась на край

посёлка и пряталась в глубине большого сада, в одном ей известном месте. Там она зализывала ушибы и раны и в одиночестве копила страх и злобу.

Только один раз её пожалели и приласкали. Это был пропойца-мужик, возвращавшийся из кабака. Он всех любил и всех жалел и что-то говорил себе под нос о добрых людях и своих надеждах на добрых людей; пожалел он и собаку, грязную и некрасивую, на которую случайно упал его пьяный и бесцельный взгляд.

— Жучка! — позвал он её именем, общим всем собакам. — Жучка! Пойди сюда, не бойся!

Жучке очень хотелось подойти; она виляла хвостом, но не решалась. Мужик похлопал себя рукой по коленке и убедительно повторил:

— Да пойдй, дура! Ей-богу, не трону!

Но пока собака колебалась, всё яростнее размахивая хвостом и маленькими шажками подвигаясь вперёд, настроение пьяного человека изменилось. Он вспомнил все обиды, нанесённые ему добрыми людьми, почувствовал скуку и тупую злобу и, когда Жучка легла перед ним на спину, с размаху ткнул её в бок носком тяжёлого сапога.

— У-у-у, мразь! Тоже лезет!

Собака завизжала, больше от неожиданности и обиды, чем от боли, а мужик, шатаясь, побрёл домой.

С тех пор собака не доверяла людям, а иногда со злобой набрасывалась на них и пыталась укусить, пока камнями и палкой не удавалось отогнать её.

На одну зиму она поселилась под террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и бескорыстно сторожила её: выбегала по ночам на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улёгшись на своё место, она всё ещё злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало некоторое довольство собой и даже гордость.

Зимняя ночь тянулась долго-долго, и чёрные окна пустой дачи угрюмо глядели на обледеневший неподвижный сад. Иногда в них как будто вспыхивал голубоватый огонёк: то отражалась на стекле упавшая звезда или остророгий месяц посылал свой робкий луч.

II

Наступила весна, и тихая дача огласилась громким говором, скрипом колёс и грузным топотом людей, переносящих тяжести. Приехали из города дачники, целая весёлая ватага взрослых, подростков и детей, опьянённых воздухом, теплом и светом; кто-то кричал, кто-то пел, смеялся высоким женским голосом.

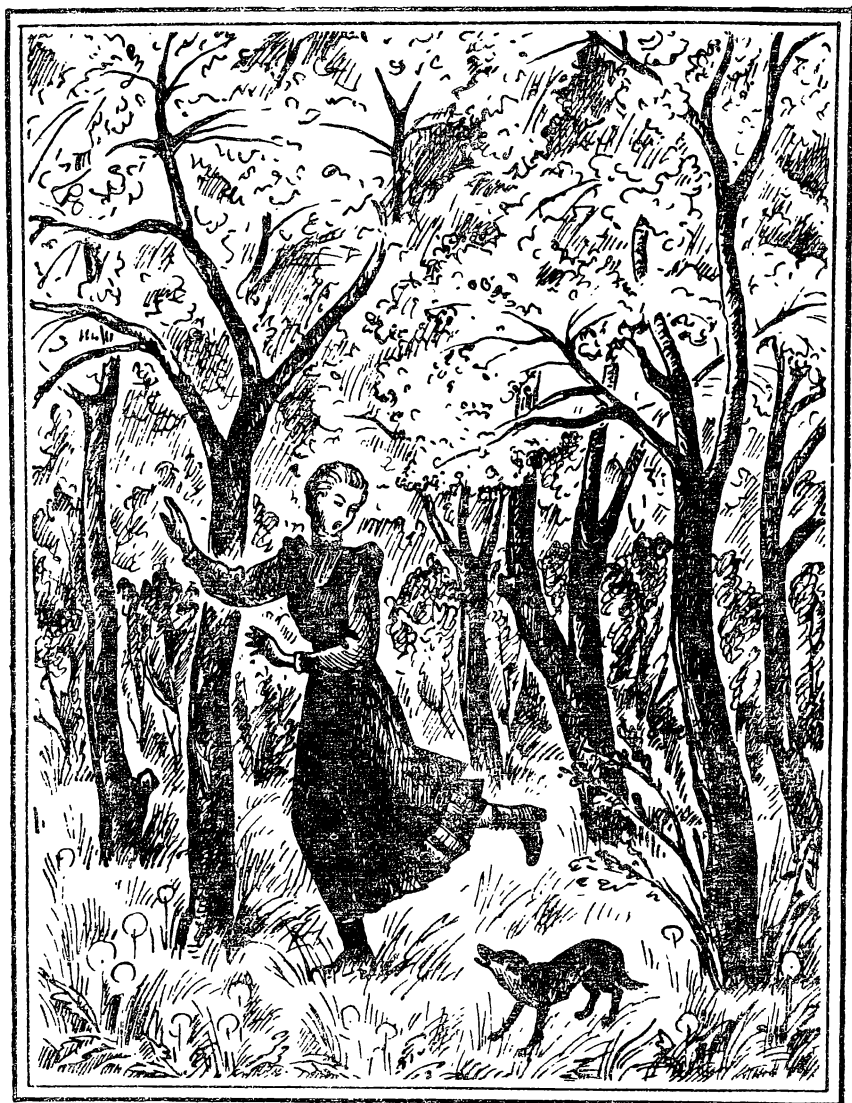
Первой, с кем познакомилась собака, была хорошенькая девушка в коричневом форменном платье, выбежавшая в сад. Жадно и нетерпеливо, желая охватить и сжать в своих объятиях всё видимое, она посмотрела на ясное небо, на красноватые сучья вишен и быстро легла на траву, лицом к горячему солнцу. Потом так же внезапно вскочила и, обняв себя руками, целуя свежими устами весенний воздух, выразительно и серьёзно сказала:

— Вот весело-то!

Сказала и быстро закружилась. И в ту же минуту беззвучно подкрадываясь собака яростно вцепилась зубами в раздувавшийся подол платья, рванула и так же беззвучно скрылась в густых кустах крыжовника и смородины.

— Ай, злая собака! — убегая, крикнула девушка, и долго ещё слышался её взволнованный голос: — Мама, дети! Не ходите в сад: там собака! Огромная!.. Злю-ущая!..

Ночью собака подкралась к заснувшей даче и бесшумно улеглась на своё место под террасой. Пахло людьми, и в открытые окна приносились тихие звуки

короткого дыхания. Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их: спала одним глазом и при каждом шорохе вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светя-

щихся глаз. А тревожных звуков было много в чуткой весенней ночи: в траве шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка под заснувшей птицей, и на близком шоссе грохотала телега и скрипели нагруженные возы. И далеко окрест в неподвижном воздухе расстился запах душистого свежего дёгтя и манил в светлеющую даль.

Приехавшие дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко от города, дышали хорошим воздухом, видели вокруг себя всё зелёным, голубым и беззлобным, делало их ещё добрее. Теплом входило в них солнце и выходило смехом и расположением ко всему живущему. Сперва они хотели прогнать напугавшую их собаку и даже застрелить её из револьвера, если не уберётся, но потом привыкли к лаю по ночам и иногда по утрам вспоминали:

— А где же наша Кусака?

И это новое имя «Кусака» так и осталось за ней. Случалось, что и днём замечали в кустах тёмное тело, бесследно пропадавшее при первом движении руки, бросавшей хлеб,— словно это был не хлеб, а камень,— и скоро все привыкли к Кусачке, называли её «своей» собакой и шутили по поводу её дикости и беспричинного страха. С каждым днём Кусака на один шаг уменьшала пространство, отделявшее её от людей; присмотрелась к их лицам и усвоила их привычки: за полчаса до обеда уже стояла в кустах и ласково помаргивала. И та же гимназисточка Лёля, забывшая обиду, окончательно ввела её в счастливый круг отдыхающих и веселящихся людей.

— Кусачка, пойдёшь ко мне! — звала она к себе. — Ну, хорошая, ну, милая, пойдёшь! Сахару хочешь?.. Сахару тебе дам, хочешь? Ну, пойдёшь же!

Но Кусака не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря так ласково, как это можно было при красивом голосе и красивом лице, Лёля подвигалась к собаке и сама боялась: вдруг укусит?

— Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенький носик и такие выразительные глазки. Ты не веришь мне, Кусачка?

И Кусачка второй раз в своей жизни переверну-

лась на спину и закрыла глаза, не зная наверно, ударят её или приласкают. Но её приласкали. Маленькая тёплая рука прикоснулась нерешительно к шершавой голове и словно это было знаком неотразимой власти, свободно и смело забегала по всему шерстистому телу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дети! Глядите: я ласкаю Кусаку! — закричала Лёля.

Когда прибежали дети, шумные, звонкоголосые, быстрые и светлые, как капельки разбежавшейся ртути, Кусака замерла от страха и беспомощного ожидания: она знала, что если теперь кто-нибудь ударит её, она уже не в силах будет впиться в тело обидчика своими острыми зубами — у неё отняли её непримиримую злобу. И когда все наперерыв стали ласкать её, она долго ещё вздрагивала при каждом прикосновении ласкающей руки, и ей больно было от непривычной ласки, словно от удара.

III

Всею своею собачьей душою расцвела Кусака. У неё было имя, на которое она стремглав неслась из зелёной глубины сада; она принадлежала людям и могла им служить. Разве не достаточно этого для счастья собаки?

С привычкою к умеренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило её до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшею грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас.

И когда она от нечего делать выбегала к воротам, становилась у порога и важно осматривала улицу, вверх и вниз, никому уже не приходило в голову дразнить её или бросить камнем.

Но такую гордою и независимою она бывала толь-

ко наедине. Страх не совсем ещё выпарился огнём ласк из её сердца, и всякий раз при виде людей, при их приближении, она терялась и ждала побоев. И долго ещё всякая ласка казалась ей неожиданностью, чудом, которого она не могла понять и на которое она не могла ответить. Она не умела ласкаться. Другие собаки умеют становиться на задние лапки, тереться у ног и даже улыбаться и тем выражают свои чувства, но она не умела.

Единственно, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить её восторга, благодарности и любви,— и с внезапным наитием Кусака начала делать то, что, быть может, когда-нибудь она видела у других собак, но уже давно забыла. Она нелепо кувыркалась, неуклюже прыгала и вертелась вокруг самой себя, и её тело, бывшее всегда таким гибким и ловким, становилось неповоротливым, смешным и жалким.

— Мама, дети! Смотрите, Кусака играет! — кричала Лёля и, задыхаясь от смеха, просила: — Ещё, Кусачка, ещё! Вот так! Вот так!..

И все собирались и хохотали, а Кусака вертелась, кувыркалась и падала, и никто не видел в её глазах странной мольбы. И как прежде на собаку кричали и улюлюкали, чтобы видеть её отчаянный страх, так теперь нарочно ласкали её, чтобы вызвать в ней прилив любви, бесконечно смешной в своих неуклюжих и нелепых проявлениях.

Не проходило часа, чтобы кто-нибудь из подростков или детей не кричал:

— Кусачка, милая Кусачка, поиграй!

И Кусачка вертелась, кувыркалась и падала при несмолкаемом весёлом хохоте.

Её хвалили при ней и за глаза и жалели только об одном, что при посторонних людях, приходивших в гости, она не хочет показать своих штук и убегает в сад или прячется под террасой.

Постепенно Кусака привыкла к тому, что о пище не нужно заботиться, так как в определённый час кухарка даст ей помоев и костей, уверенно и спокойно ложилась на своё место под террасой и уже искала и просила ласк. И отяжелела она: редко бегала с дачи и, когда маленькие дети звали её с собой в лес, уклончиво виляла хвостом и незаметно исчезала. Но по ночам всё так же громок и бдителен был её сторожевой лай.

IV

Жёлтыми огнями загорелась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустеть дачи и умолкать, как будто непрерывный дождь и ветер гасили их, точно свечи, одну за другой.

— Как же нам быть с Кусакой? — в раздумье спрашивала Лёля.

Она сидела, охватив руками колени, и печально глядела в окно, по которому скатывались блестящие капли начавшегося дождя.

— Что у тебя за поза, Лёля! Ну кто так сидит? — сказала мать и добавила: — А Кусаку придётся оставить. Бог с ней!

— Жа-а-лко, — протянула Лёля.

— Ну что поделаешь? Двора у нас нет, а в комнатах её держать нельзя, ты сама понимаешь.

— Жа-а-лко, — повторила Лёля, готовая заплакать.

Уже приподнялись, как крылья ласточки, её тёмные брови и жалко сморщился хорошенький носик, когда мать сказала:

— Догаевы давно уже предлагали мне щеночка. Говорят, очень породистый и уже служит. Ты слышишь меня? А эта что — дворняжка!

— Жа-а-лко! — повторила Лёля, но не заплакала. Снова пришли незнакомые люди, и заскрипели во-

зы, и застонали под тяжёлыми шагами половицы, но меньше было говора и совсем не слышно было смеха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя беду, Кусака убежала на край сада и оттуда, сквозь по-

редевшие кусты, неотступно глядела на видимый ей уголок террасы и на сновавшие по нём фигуры в красных рубахах.

— Ты здесь, моя бедная Кусачка,— сказала вышедшая Лёля. Она уже была одета по-дорожному — в то коричневое платье, кусок от которого оторвала Кусака, и чёрную кофточку.— Пойдём со мной!

И они вышли на шоссе. Дождь то принимался идти, то утихал, и всё пространство между почерневшею землёй и небом было полно клубящимися, быстро идущими облаками. Снизу было видно, как тяжелы они и непроницаемы для света от насытившей их воды и как скучно солнцу за эту плотную стеною.

Налево от шоссе тянулось потемневшее жнивье, и только на бугристом и близком горизонте одинокими купами поднимались невысокие разрозненные деревья и кусты.

Прорвался солнечный луч, жёлтый и анемичный, как будто солнце было неизлечимо больным, шире и печальней стала туманная осенняя даль.

— Скучно, Кусака! — тихо проронила Лёля и, не оглядываясь, пошла назад.

И только на вокзале она вспомнила, что не простилась с Кусакой.

V

Кусака долго металась по следам уехавших людей, добежала до станции и — промокшая, грязная — вернулась на дачу. Там она проделала ещё одну новую штуку, которой никто, однако, не видал: первый раз взошла на террасу и, приподнявшись на задние лапы, заглянула в стеклянную дверь и даже поскребла когтями. Но в комнатах было пусто, и никто не ответил Кусаке.

Поднялся частый дождь, и отовсюду стал надвигаться мрак осенней длинной ночи. Быстро и глухо он

заполнил пустую дачу; бесшумно выползал он из кустов и вместе с дождём лился с неприветного неба. На террасе, с которой была снята парусина, отчего она казалась обширной и странно пустой, свет долго ещё боролся с тьмою и печально озарял следы грязных ног, но скоро уступил и он.

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнений, что она наступила, собака жалобно и громко завывала. Звонящей, острой, как отчаяние, нотой ворвался этот вой в монотонный, угрюмо покорный шум дождя, прорезал тьму и, замирая, понёсся над тёмным и обнажённым полем.

ПЕТЬКА НА ДАЧЕ

Осип Абрамович, парикмахер, поправил на груди посетителя грязную простынку, заткнул её пальцами за ворот и крикнул отрывисто и резко:

— Мальчик, воды!

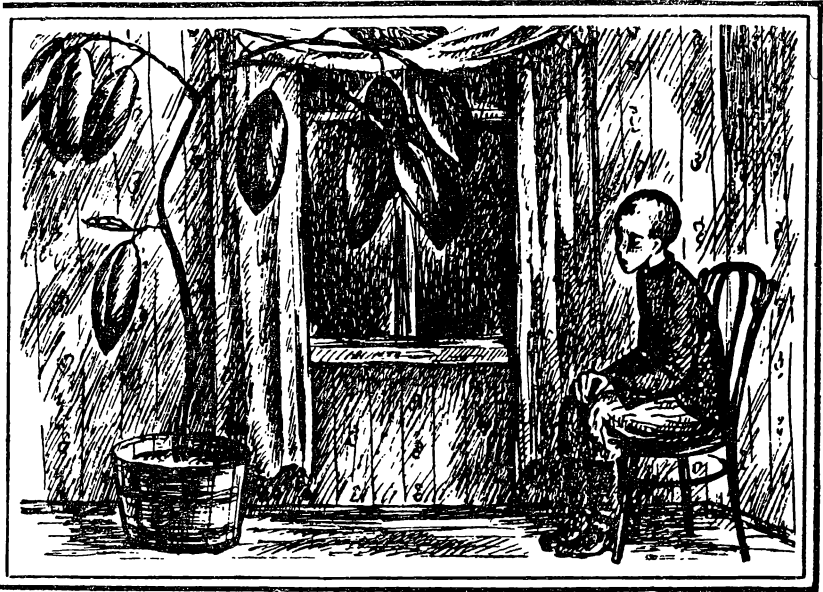
Посетитель, рассматривавший в зеркало свою физиономию с тою обострённою внимательностью и интересом, какие являются только в парикмахерской, замечал, что у него на подбородке прибавился ещё один угорь, и с неудовольствием отводил глаза, попадавшие прямо на худую, маленькую ручонку, которая откуда-то со стороны протягивалась к подзеркальнику и ставила

жестянку с горячей водой. Когда он поднимал глаза выше, то видел отражение парикмахера, странное и как будто косое, и подмечал быстрый и грозный взгляд, который тот бросал вниз на чью-то голову, и безмолвное движение его губ от неслышного, но выразительного шёпота. Если его брил не сам хозяин, Осип Абрамович, а кто-нибудь из подмастерьев, Прокопий или Михайла, то шёпот становился громким и принимал форму неопределённой угрозы:

— Вот погоди!

Это значило, что мальчик недостаточно быстро подал воду и его ждёт наказание. «Так их и следует», — думал посетитель, кривя голову набок и созерцая у самого своего носа большую потную руку, у которой три пальца были оттопырены, а два другие, липкие и пахучие, нежно прикасались к щеке и подбородку, пока туповатая бритва с неприятным скрипом снимала мыльную пену и жёсткую щетину бороды.

Мальчик, на которого чаще всего кричали, назывался Петькой и был самым маленьким из всех служащих в заведении. Другой мальчик, Николка, насчитывал от роду тремя годами больше и скоро должен был перейти в подмастерья. Уже и теперь, когда в парикмахерскую заглядывал посетитель попроще, а подмастерья, в отсутствие хозяина, ленились работать, они посылали Николку стричь и смеялись, что ему придется подниматься на цыпочки, чтобы видеть волосатый затылок дюжего дворника. Иногда посетитель обижался за испорченные волосы и поднимал крик; тогда и подмастерья кричали на Николку, но не всерьёз, а только для удовольствия окорначенного простака. Но такие случаи бывали редко, и Николка важничал и держался, как большой: курил папиросы, сплёвывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал. Вместе с подмастерьями он бегал на соседнюю улицу посмотреть на крупную драку, и когда возвращался оттуда, счастливый и смеющийся, Осип Абра-

мович давал ему две пощёчины: по одной на каждую щёку.

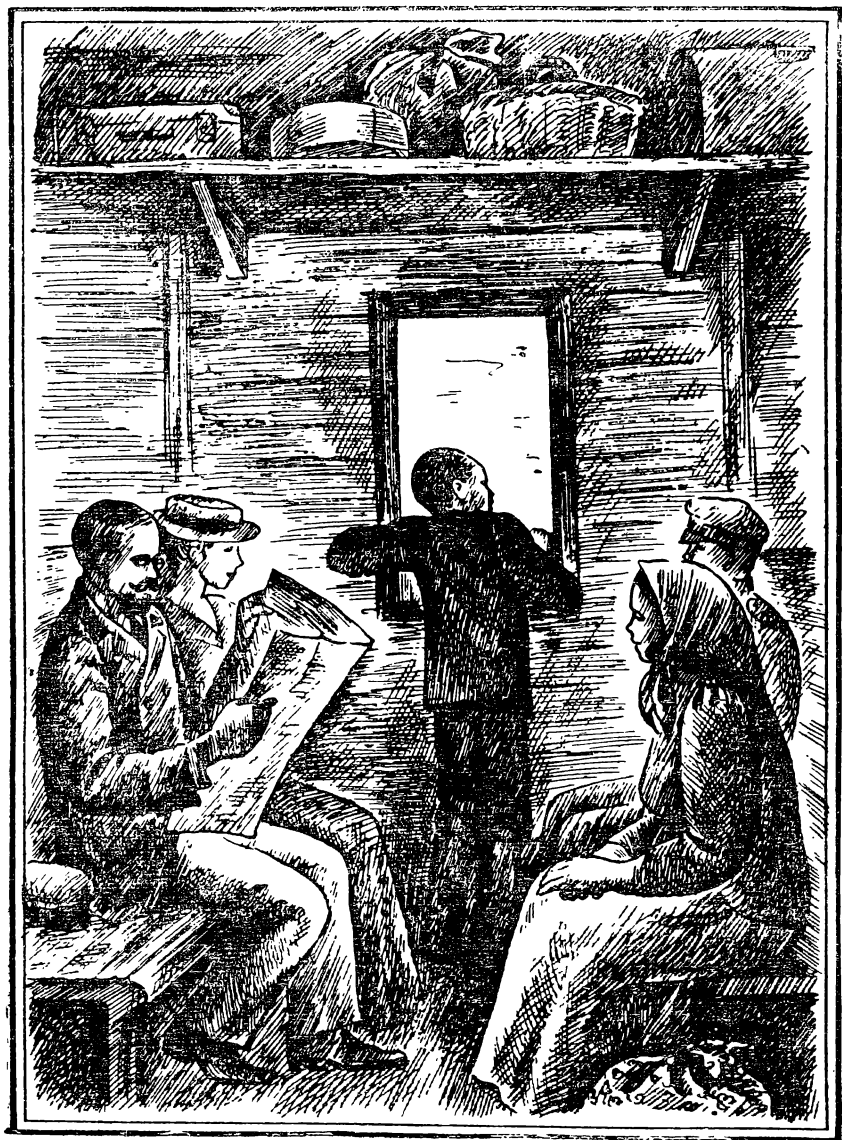
Петьке было десять лет; он не курил, не пил водки и не ругался и во всех этих отношениях завидовал товарищу. Когда не было посетителей, и Прокопий, проводивший где-то бессонные ночи и днём спотыкавшийся от желания спать, приваливался в тёмном углу за перегородкой, а Михайла читал «Московский листок» и среди описания краж и грабежей искал знакомого имени кого-нибудь из обычных посетителей,— Петька и Николка беседовали. Последний всегда становился добрее, оставаясь вдвоём, и объяснял «мальчику», что значит стричь под польку, бобриком или с пробором.

Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже один на другой, как два родных брата. И зимою и летом он видел всё те же зеркала, из которых одно было с трещиной, а другое было кривое и потешное. И утром, и вечером, и весь божий день над Петькой висел один и тот же отрывистый крик: «Мальчик,

воды!» — и он всё подавал её, всё подавал. Праздников не было. По воскресеньям, когда улицу переставали освещать окна магазинов и лавок, парикмахерская до поздней ночи бросала на мостовую яркий сноп света, и прохожий видел маленькую, худую фигурку, сгорбившуюся в углу на своём стуле и погружённую не то в думы, не то в тяжёлую дремоту. Петька спал много, но ему почему-то всё хотелось спать, и часто казалось, что всё вокруг него не правда, а длинный неприятный сон. Он часто разливал воду или не слышал резкого крика: «Мальчик, воды!» — и всё худел, а на стриженной голове у него пошли нехорошие струпья. Даже нетребовательные посетители с брезгливостью смотрели на этого худенького, веснушчатого мальчика, у которого глаза всегда сонные, рот полуоткрытый и грязные-прегрязные руки и шея. Около глаз и под носом у него прорезались тоненькие морщинки, точно проведённые острой иглой, и делали его похожим на состарившегося карлика.

Петька не знал, скучно ему или весело, но ему хотелось в другое место, о котором он ничего не мог сказать, где оно и какое оно. Когда его навещала мать, кухарка Надежда, он лениво ел принесённые сласти, не жаловался и только просил взять его отсюда. Но затем он забывал о своей просьбе, равнодушно прощался с матерью и не спрашивал, когда она придёт опять. А Надежда с горем думала, что у неё один сын — и тот дурачок.

Много ли, мало ли жил Петька таким образом, он не знал. Но вот однажды в обед приехала мать, поговорила с Осипом Абрамовичем и сказала, что его, Петьку, отпускают на дачу, в Царицыно, где живут её господа. Сперва Петька не понял, потом лицо его покрылось тонкими морщинками от тихого смеха, и он начал торопить Надежду. Той нужно было, ради пристойности, поговорить с Осипом Абрамовичем, о здоровье его жены, а Петька тихонько толкал её к двери и дёргал за руку. Он не знал, что такое дача, но полагал,

что она есть то самое место, куда он так стремился. И он позабыл о Николке, который, заложив руки в карманы, стоял тут же и старался с обычною дерзостью смотреть на Надежду. Но в глазах его вместо

дерзости светилась глубокая тоска: у него совсем не было матери и он в этот момент был бы не прочь даже от такой, как эта толстая Надежда. Дело в том, что и он никогда не был на даче.

Вокзал с его разноголосю сутолокою, грохотом приходящих поездов, свистками паровозов, то густыми и сердитыми, как голос Осипа Абрамовича, то визгливыми и тоненькими, как голос его больной жены, то ропливыми пассажирами, которые всё идут и идут, точно им и конца нету, впервые предстал перед оторопелыми глазами Петьки и наполнил его чувством возбуждённости и нетерпения. Вместе с матерью он боялся опоздать, хотя до отхода дачного поезда оставалось добрых полчаса; а когда они сели в вагон и поехали, Петька прилип к окну, и только стриженная голова его вертелась на тонкой шее, как на металлическом стержне.

Он родился и вырос в городе, в поле был первый раз в своей жизни, и всё здесь для него было поразительно ново и странно: и то, что можно видеть так далеко, что лес кажется травкой, и небо, бывшее в этом новом мире удивительно ясным и широким, точно с крыши смотришь. Петька видел его с своей стороны, а когда оборачивался к матери, это же небо голубело в противоположном окне, и по нём плыли беленькие радостные облачка. Петька то вертелся у своего окна, то перебегал на другую сторону вагона, с доверчивостью кладя плохо отмытую ручонку на плечи и колени незнакомых пассажиров, отвечавших ему улыбками. Но какой-то господин, читавший газету и всё время зевавший, то ли от чрезмерной усталости, то ли от скуки, раза два неприязненно покосился на мальчика, и Надежда поспешила извиниться:

— Впервой по чугунке едет — интересуется...

— Угу!.. — пробурчал господин и уткнулся в газету.

Надежде очень хотелось рассказать ему, что Петька уже три года живёт у парикмахера и тот обещал

поставить его на ноги, и это будет очень хорошо, потому что женщина она одинокая и слабая и другой поддержки на случай болезни или старости у неё нет. Но лицо у господина было злое, и Надежда только подумала всё это про себя.

Направо от пути раскинулась кочковатая равнина, тёмно-зелёная от постоянной сырости, и на краю её были брошены серенькие домики, похожие на игрушечные, а на высокой зелёной горе, внизу которой блистала серебристая полоска, стояла такая же игрушечная белая церковь. Когда поезд со звонким металлическим лязгом, внезапно усилившимся, взлетел на мост и точно повис в воздухе над зеркальной

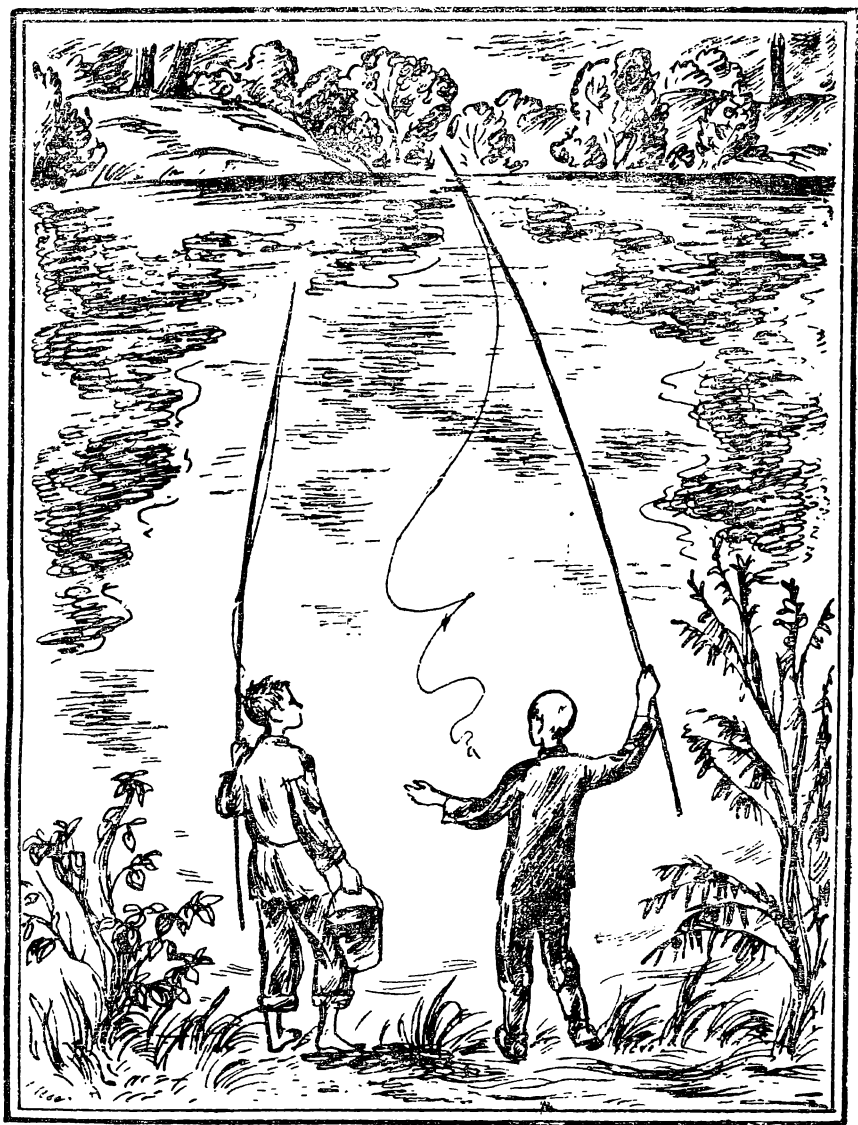
гладью реки, Петька даже вздрогнул от испуга и неожиданности и отшатнулся от окна, но сейчас же вернулся к нему, боясь потерять малейшую подробность пути. Глаза Петькины давно уже перестали казаться сонными, и морщинки пропали. Как будто по этому лицу кто-нибудь провёл горячим утюгом, разгладил морщинки и сделал его белым и блестящим.

В первые два дня Петькина пребывания на даче богатство и сила новых впечатлений, лившихся на него и сверху и снизу, смяли его маленькую и робкую душонку. Всё здесь было для него живым, чувствующим и имеющим волю. Он боялся леса, который покойно шумел над его головой и был тёмный, задумчивый и такой страшный в своей бесконечности; полянки, светлые, зелёные, весёлые, точно поющие всеми своими яркими цветами, он любил и хотел бы приласкать их, как сестёр, а тёмно-синее небо звало его к себе и смеялось, как мать. Петька волновался, вздрагивал и бледнел, улыбался чему-то и степенно, как старик, гулял по опушке и лесистому берегу пруда. Тут он, утомлённый, задыхающийся, разваливался на густой сыроватой траве и утопал в ней; только его маленький веснушчатый носик поднимался над зелёной поверхностью. В первые дни он часто возвращался к матери, тёрся возле неё и, когда барин спрашивал его, хорошо ли на даче, конфузливо улыбался и отвечал:

— Хорошо!..

И потом снова шёл к грозному лесу и тихой воде и будто допрашивал их о чём-то.

Но прошло ещё два дня, и Петька вступил в полное соглашение с природой. Это произошло при содействии гимназиста Мити из «Старого Царицына». У гимназиста Мити лицо было смугло-жёлтым, как вагон второго класса, волосы на макушке стояли торчком и были совсем белые — так выжгло их солнце. Он ловил в пруду рыбу, когда Петька увидал его, бес-

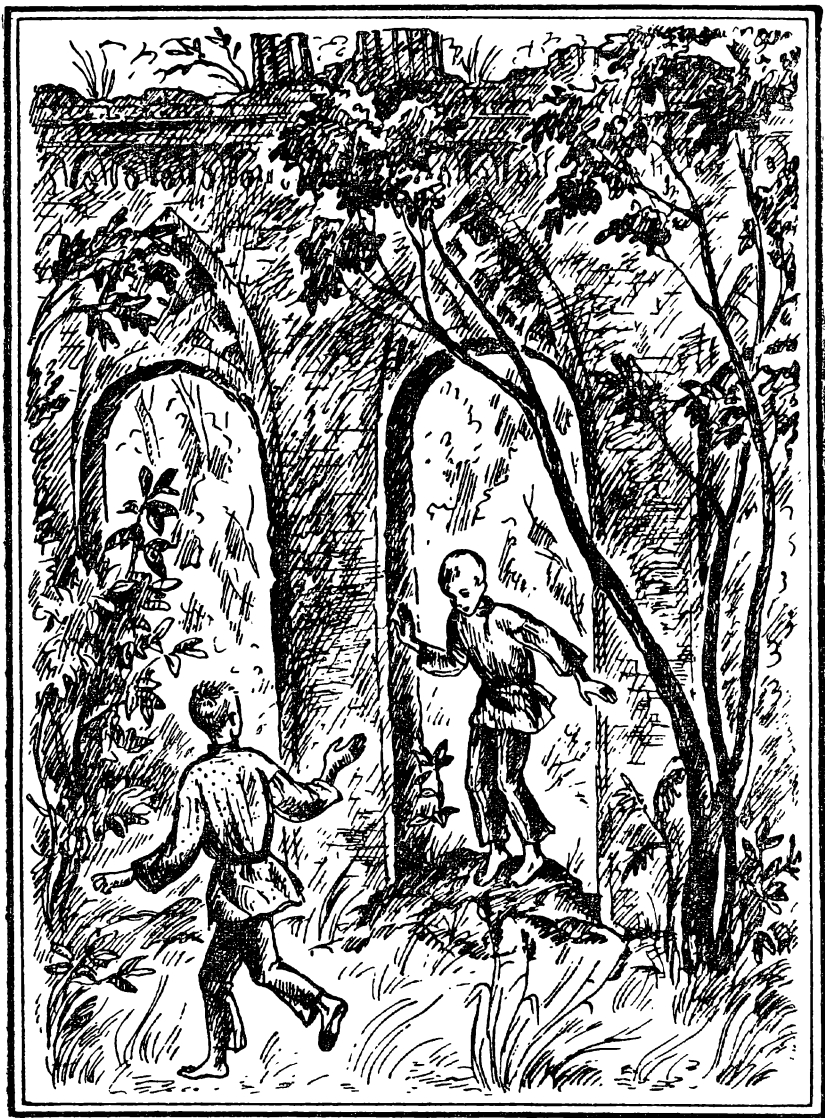

церемонно вступил с ним в беседу и удивительно скоро сошёлся. Он дал Петьке подержать одну удочку и потом повёл его куда-то далеко купаться. Петька очень боялся идти в воду, но когда вошёл, то не хотел

вылезать из неё и делал вид, что плавает: поднимал нос и брови кверху, захлёбывался и бил по воде руками, поднимая брызги. В эти минуты он был очень похож на щенка, впервые попавшего в воду. Когда Петька оделся, то был синий от холода, как мертвец, и, разговаривая, ласкал зубами. По предложению того же Мити, неистощимого на выдумки, они исследовали развалины дворца: лазили на заросшую деревьями крышу и бродили среди разрушенных стен громадного здания. Там было очень хорошо: всюду навалены груды камней, на которые с трудом можно взобраться, и промеж них растут молодая рябина и берёзки, тишина стоит мёртвая, и чудится, что вот-вот выскочит кто-нибудь из-за угла или в растрескавшейся амбразуре окна покажется страшная-престрашная рожа. Постепенно Петька почувствовал себя на даче, как дома, и совсем забыл, что на свете существует Осип Абрамович и парикмахерская.

— Смотри-ка, растолстел как! Чистый купец! — радовалась Надежда, сама толстая и красная от кухонного жара, как медный самовар.

Она приписывала это тому, что много его кормит. Но Петька ел совсем мало — не потому, чтобы ему не хотелось есть, а некогда было возиться: если бы можно было не жевать, глотать сразу, а то нужно жевать, а в промежутки болтать ногами, так как Надежда ест дьявольски медленно, обглаживает кости, утирается передником и разговаривает о пустяках. А у него дела было по горло: нужно пять раз выкупаться, вырезать в орешнике удочку, накопать червей — на всё это требуется время. Теперь Петька бегал босой, и это в тысячу раз приятнее, чем в сапогах с толстыми подошвами: шершавая земля так ласково то жжёт, то холодит ногу. Свою подержанную гимназическую куртку, в которой он казался солидным мастером парикмахерского цеха, он также снял и изумительно помолодел. Надевал он её только вечерами, когда ходил на плотину, смотреть, как катаются на лодках господа: нарядные,

весёлые, они со смехом садятся в качающуюся лодку, и та медленно рассекает зеркальную воду, а отражённые деревья колеблются, точно по ним пробежал ветерок.

В исходе недели барин привёз из города письмо, адресованное «куфарке Надежде», и когда прочёл его адресату, адресат заплакал и размазал по всему лицу сажу, которая была на переднике. По отрывочным словам, сопровождавшим эту операцию, можно было понять, что речь идёт о Петьке. Это было уже ввечеру. Петька на заднем дворе играл сам с собою в «классики» и надувал щёки, потому что так прыгать было значительно легче.

Гимназист Митя научил его этому глупому, но интересному занятию, и теперь Петька, как истый спортсмен, совершенствовался в одиночку. Вышел барин и, положив руку на плечо мальчика, сказал:

— Что, брат, ехать надо!

Петька конфузливо улыбался и молчал.

«Вот чудак-то!» — подумал барин.

— Ехать, братец, надо.

Петька улыбался. Подошла Надежда и со слезами подтвердила:

— Надобно ехать, сынок!

— Куда? — удивился Петька.

Про город он забыл, а другое место, куда ему всегда хотелось уйти, уже найдено.

— К хозяину Осипу Абрамовичу.

Петька продолжал не понимать, хотя дело было ясно, как божий день. Но во рту у него пересохло и язык двигался с трудом, когда он спросил:

— А как же завтра рыбу ловить? Удочка — вот она...

— Что же поделаешь!.. Требуется. Прокопий, говорит, заболел, в больницу свезли. Народу, говорит, нету. Ты не плачь: гляди, опять отпустит — он добрый, Осип Абрамович.

Но Петька и не думал плакать и всё не понимал. Но постепенно мысли Петькины стали проясняться. И тогда Петька удивил мать, расстроил барыню и барина: он не просто заплакал, как плачут городские

дети, худые и истощённые, — он закричал громче самого горластого мужика и начал кататься по земле. Худая ручонка его сжималась в кулак и била по руке матери, по земле, по чём попало, чувствуя боль от

острых камешков и песчинок, но как будто стараясь ещё усилить её.

Своевременно Петька успокоился, и барин говорил барыне, которая стояла перед зеркалом и вкалывала в волосы белую розу:

— Вот видишь, перестал — детское горе непродолжительно.

— Но мне всё-таки очень жаль этого бедного мальчика.

— Правда, они живут в ужасных условиях, но есть люди, которым живётся и хуже. Ты готова?

И они пошли в сад Дипмана, где в этот вечер были назначены танцы и уже играла военная музыка.

На другой день, с семичасовым утренним поездом, Петька уже ехал в Москву. Опять перед ним мелькали зелёные поля, седые от ночной росы, но только убегали не в ту сторону, что раньше, а в противоположную. Поддержанная гимназическая курточка облекала его худенькое тело, из-за ворота её выставлялся кончик белого бумажного воротничка. Петька не вертелся и почти не смотрел в окно, а сидел такой тихонький и скромный, и ручонки его были благонаравно сложены на коленях. Глаза были сонливы и апатичны, тонкие морщинки, как у старого человека, ютились около глаз и под носом. Вот замелькали у окна столбы и стропила платформы, и поезд остановился.

Толкаясь среди торопившихся пассажиров, они вышли на грохочущую улицу, и большой жадный город равнодушно поглотил свою маленькую жертву.

— Ты удочку спрячь! — сказал Петька, когда мать довела его до порога парикмахерской.

— Спрячу, сынок, спрячу! Может, ещё приедешь.

И снова в грязной и душной парикмахерской звучало отрывистое: «Мальчик, воды!» — и посетитель видел, как к подзеркальнику протягивалась малень-

кая грязная рука, и слышал неопределённо угрожающий шёпот: «Вот, погоди!» Это значило, что сонливый мальчик разлил воду или перепутал приказания. А по ночам, в том месте, где спали рядом Николка и Петька, звенел и волновался тихий голосок и рассказывал о даче и говорил о том, чего не бывает, чего никто не видел никогда и не слышал.

СОДЕРЖАНИЕ

Кусака	3
Петька на даче	15

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Леонид Николаевич Андреев

ПЕТЬКА НА ДАЧЕ

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерев*. Технический редактор *Г. Е. Гафт*.
Корректор *Л. М. Короткина*.

Сдано в набор 17/І 1974 г. Подписано к печати 27/ІІІ 1974 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,44. Тираж 400 000 экз. Заказ № 2073.
Цена 7 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеvский вал, 49.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Андреев Л. Н.

А65 Петька на даче. Рассказы. Рис. Н. Смирновой.
М., «Дет. лит.», 1974.

30 с. с ил. (Школьная б-ка).

В книге два рассказа известного русского писателя Леонида Николаевича Андреева: «Петька на даче» и «Кусака». В рассказе «Петька на даче» мальчик Петька, лишённый детских радостей, проводит свою жизнь в душной парикмахерской, помогая цирюльнику. Вдруг Петька попадает на дачу, обретает свободу, становится счастливым, но счастье быстро проходит, и тем печальнее возвращение мальчика к прежней жизни. В рассказе «Кусака» вы прочитаете о жизни собаки, не имеющей пристанища.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

В 1974 году для начальной школы выходят
такие произведения русских писателей-классиков:

Есенин С.

ЧЕРЁМУХА.

Стихи

Крылов И.

Басни

Лермонтов М.

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ...

Стихи

Пришвин М.

КЛАДОВАЯ СОЛНЦА.

Сказка-быль

Пушкин А.

Стихи и сказки

Серафимович А.

ТРИ ДРУГА.

Рассказы

Чехов А.

КАШТАНКА.

Рассказ

Обращайтесь за этими книгами
в свои школьные и районные библиотеки.